

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Охота на куропаток во сне и наяву. 12. «Это не Вивальди!»

Охота на куропаток во сне и наяву.

Часть II. Анданте «Красногорские причуды».

12. «Это не Вивальди!»

Словно пальцем в стакане.

— Какая такая Галя! — слышит он вдруг и не может понять, почему его кто-то с такой силой трясёт за голову. — Пригласил в гости одну даму, а называет имя другой!... Ты что, спишь? Несмотря на такой треск? Волна ушла! Настрой её, пожалуйста!

Очумело привстав, Женя видит в свете, идущим от панели радиолы, что Нинель, сбросив с плеч одеяло и оперевшись на левый локоть, указывает ему другой рукой на эту панель. Он привстаёт и берётся за ручку настройки. Убежавшая волна долго не находится, а внутри него поднимается волна злобы: «За что такая напасть? Музыка ей подавай, причём непременно хорошую! Уговорила, что лучше поспать, а спать не даёт... Ну что ж, чему быть — того не миновать!»

И поймав пропавшую волну, вместо того, чтобы вернуться к прерванному сну, поднимается, делает шаг по направлению к кровати с гостьей и, приподняв одеяло, ложится рядом с ней.

— Это не Вивальди, — говорит ему Нинель.

— Не Вивальди? А кто же? Гендель, что ли?

— Гендель! — отвечает она ему живо. — Ты, оказывается, и в музыке знаток!

— Такого знатока не мешало бы и поцеловать!

— Думаешь, что без этого нельзя обойтись? — спрашивает она, поворачиваясь на спину и вытягиваясь всем телом.

— Нельзя, — уверяет он, наклоняясь над нею и соединяя свои губы с её, уже приоткрытыми и с готовностью пропускающими внутрь его язык.

Правая его рука приподнимает ей затылок, а левая устремляется за пазуху комбинации.

— Ничего себе! — шепчет он ей на ухо.

— Что тебя так удивило и обрадовало? — также тихо спрашивает она.

— Сначала отсутствие такого досадного препятствия, как бюст-гальтер...

— Да, я, кажется, допустила оплошность, избавившись от него, ибо была уверена, что мы будем спокойно спать, притом в отдельности друг от друга...

— А я и спал. И не моя вина, что вы меня разбудили. Я, признаюсь, даже разозлился на вас... Но сейчас!...

— Что же сейчас?

— Ваши груди! Ни одна из них не помещается в моей ладони... Можно поцеловать их? Вы не будите возражать?

И приспустив верхний край комбинации, погружает своё лицо в её величественный бюст, лижет то одно, то другое полушарие. Глубоко задышав и поглаживая кончиками пальцев его голову, Нинель только и произносит:

— Да, я виновата, что разбудила тебя... Но мне стало завидно, что ты спишь, а я нет... Вот уж не думала и не гадала, что всё так обернётся... что придётся свою вину заглаживать таким образом, терпеть такое...

Женя отрывает рот от взбухшего сосца и переспрашивает:

— Терпеть, говорите? Что ж, действительно придётся... Тем более что вы признали свою вину...

И возобновляет своё занятие. Пока зубы и язык его заняты одной её грудью, правая рука принимается пальпировать другую, а левая, совершая круговые поглаживания, медленно, но неуклонно продвигается мимо живота и бёдер к подолу, максимально возможно задирает его и начинает мять выпуклость её живота, после чего, быстро скользнув мимо мшистой лобковой поверхности, проникает в промежье. И тут же выскакивает наружу, едва соприкоснувшись с набухшими и показавшимися чрезмерно большими гениталиями... Женя даже не успевает сообразить, что это такое: срамные губы или клитор. Никогда ещё ни с чем подобным ему не приходилось иметь дело...

Но пока он приходит в себя, Нинель приподнимается на седалище и произносит:

— Я боюсь...

— Чего?

— Вот так, без презерватива... Найдётся?

— Вы меня озадачили... Не думал, ни гадал...

— Хорош гусь! Приглашает даму на любовное свидание, а об её безопасности даже не думает... Чтобы мы сейчас делали, если бы я, убегая из дома, забыла бы об этом?... Где моя сумочка?..

Она шарит по столу, находит сумочку, открывает её, некоторое время роется в ней...

— Ага, вот! Нашла...

И вкладывает в ладонь Жени маленький бумажный пакетик, внутри которого его пальцы нащупывают пару чем-то обтянутых колечек. Он надрывает этот пакетик, вынимает оттуда содержимое и спрашивает:

— И что с ним делать? Надевать? Боюсь, это у меня плохо выйдет...

— Почему?

— С непривычки... В теории я про это изделие всё, вроде бы, знаю, а вот на практике дело с ним приходится иметь чуть ли не впервые... Что-то не очень уж больно налезает...

И смеётся.

— Он ещё оказывается и безруким!... — восклицает Нинель.

— Может, поможете?..

— Может, мне встать и уйти? — сердится она.

— Ну зачем так?... Ещё немножко... Вроде так, как надо... Не желаете убедиться, что всё в порядке?... А то вдруг свалится?..

— А ты сделай так, чтобы не свалился!..

— Вот так?

Женя берёт её за пальцы и направляет их к своему полуодетому в чехол инструменту. И происходит двойное чудо: пальцы эти не только в одно мгновение натягивают резинку до самого основания его ствола, но и самому этому стволу, начавшему, было, вянуть от непривычного стеснения, придают необходимую твёрдость.

— Спасибо! — благодарит Женя и, легонько надавливая на плечи Нинель, опускает её на спину, а сам взгромождается сверху и, взяв-шись за свой стручок, начинает кончиком его тереть по верх набухших краёв её щели, не собираясь до поры до времени проникать в глубину. Но это ему не удаётся: моментально раздвинув бёдра и сделав резкое движение навстречу, Нинель полностью погружает его пистолет в свою кобуру и, схватив Женю за

ягодицы, начинает активно елозить под ним, ахая, охая и упрекая:

— Ну что же ты?

И ему ничего другого не остаётся, как принять вызов... Но с сильным смятением тут же обнаруживает, что ощущает касание только с одним краем её внутренности: «Словно пальцем в стакане! Ничего себе размеры! Что же делать? Эдак ни я, ни она никогда не кончим...». А вслух спрашивает:

— Можно мне как-то получше приспособить вас к моим возможностям?

— Что ты имеешь в виду?

— Палочку увеличить в размере нельзя, а щелочку сузить можно...

— Как это?

— Сейчас увидите.

Женя берёт её ноги под колени, поднимает их вверх и опускает ей на грудь, тесно прижимая их друг к другу, и собирается уже, было, возобновить свои толчки, предвкушая, как сейчас ощутит стенки её кубышки... и услышит, как в ответ на его вопрос: «Ну как?» она со стоном произнесёт «О-о-о!» и, так как пятки её повиснут в воздухе над его спиной, и у неё не будет опоры для встречных движений бёдрами, она судорожно вцепится пальцами в его ягодички, подталкивая его к более глубоким и убыстрённым поступательно-возвратным движениям... Но не тут-то было.

— Ты что? — с силой отталкивает она его. — С ума спятил, что ли?

В голосе её слышится не только недоумение, но и негодование.

— Не можешь нормально, так не приставай... Иди спи!... То же мне, нашёл подопытного кролика!...

Нинель освобождается из-под тяжести его тела, опускает и вытягивает ноги, затем, опираясь на пятки, приподнимает нижнюю часть торса и натягивает подол комбинации на бёдра. Женя располагается на боку рядом с нею и, не отнимая рук от её живота и груди, продолжает начатый ею разговор:

— А я и спал, как было велено... И, повторяю, не сам проснулся, а меня позвали... А теперь отсылают обратно вместо того, чтобы получить, раз уж так случилось, удовольствие...

— Какое уж тут удовольствие? Скрутил в баранку и навалился, как не знаю кто... Аж дыханье спёрло... — Вот если бы вы чуточку потерпели и дали мне возможность войти в вас именно в такой позе, то у вас действительно спёрло бы дыхание от ощущения того, как в вашу гайку ввинчивается мой болтик, который, кстати, начинает, кажется, терять необходимую упругость...

И взяв её ладонь, направляет к предмету разговора и кладёт на него.

— Не правда ли?

Она не отвечает, но и ладонь свою обратно не забирает, а малость спустя даже легонько пускает в ход пальцы.

— Болтик, говоришь? Да...

— Что? Хочется сказать: так себе?

— Это ты так сказал, а не я...

— Но, наверно, подумали...

— А может всё-таки не будем друг друга мучить и поспим?

— Я-то засну тут же... И мне снова приснится что-нибудь приятное... А вот вам, боюсь, по прежнему будет не до сна... Так что давайте завершим то, ради чего мы здесь оказались, а

потом, облегчившись, может быть, и вздремнѐм пару-другую часиков... Как там моя пташка? Готова к взлѣту?

— Пташка, болтик — слова-то какие употребляешь! — удивляется Нинель, слегка потрясывая эту «пташку» кончиками своих пальцев.

— А ты какие употребляешь?

— Ого! Какой прогресс: он уже на «ты» перешѐл!

— Как говорят, с кем поведѣшься, от того и наберѣшься... Я-то вот набираюсь, — не то что некоторые!..

— Это ты меня имеешь в виду?...

— А кого же?

И для убедительности своих слов целует её в губы и снова принимается мять груди.

— А чем я сейчас занимаюсь? — вопросом на вопрос отвечает она, сжимая и поглаживая его инструмент.

— Чем? — подхватывает он. — Можешь вслух признаться?

— А может хватит словоблудием заниматься?

— Согласен, хватит!... Орудие, спасибо вам, готово к бою, и пора от слов снова перейти к делу...

— Ну, если меня снова называют на «вы», то мне, наверно, ничего не остаѣтся, как посчитать ваши намѣки оскорбляющими мою честь и отвергнуть их... Уберите свои наглые руки от меня!

— Нет, нет! Я оговорился. Просто в этом плане я очень консервативный, и переход на «ты» мне даѣтся гораздо труднее, чем...

— Чем что?

— Чем мы, было, уже занялись, и чем я вновь собираюсь заняться...

И, перенося левую ногу через неё, приподнимается на коленях, сжимая ими её бѣдра.

— Но только не так, как ты хочешь, а так, как я привыкла, — отвечает она, скрещивая обе руки на бѣдрах.

— Как понять этот жест? — вопрошает удивлѐнно Женья.

— А так и понимай!...

— Значит, если я не приму твоѐ условие, мне путь к твоему алтарю заказан?

— Мудрѐно говоришь, но суть моего ультиматума до тебя, кажется, дошла...

— А если приму, то никаких препон не встречу?

— Догадливый!

— Хорошо, согласен!..

— Это меняет дело, — произносит довольно Нинель, разводя ладони рук и убирая их с бѣдер.

— Давно бы так...

Женья наклоняется над ней и целует, после чего одной рукой овладевает грудью, а другой задирает подол её комбинации и направляет свой инструмент туда, где тот уже, вроде бы, уже побывал. Хотел, было, остановиться в преддверии, чтобы по привычке потереться о створки, но в последний момент передумал и сразу же погрузился в глубину её расщелины, показавшейся ему на этот раз ещё более обширной, чем несколько минут назад. «Ну и лоханка!» — подумал он про себя и возобновил необходимые в таком положении движения вперѣд и назад. Она лежала под ним неподвижно, закрыв глаза, хотя на поцелуи отвечала и даже руками обхватила его торс.

«Интересно, чувствует она что-нибудь, в отличие от меня?» — продолжает мысленно разговаривать сам с собой Женя, не решаясь задать ей этот вопрос и предпочитая просто считать про себя: «И раз, и два, и три, и четыре...». Дойдя до сорока сбивается и начинает новый отсчёт, и опять сбивается... Но вот он явственно ощущает, как под ним судорожно касаются друг друга её ляжки — и один раз, и другой, и третий — и как каждый раз при этом её обширная утроба на какую то долю секунды суживается и в этот момент словно манжеткой слегка схватывает его стерженёк, — и один раз, и другой, и третий — от чего тот вздрагивает и явно прибавляет в бодрости, да, пожалуй, и в упорстве.

— Кончаешь? — спрашивает он её и прибавляет в силе и темпе ударов.

Однако вскоре снова ощущает, что совершает толчки в какой-то пустоте. Пробует делать это, придерживаясь сначала одного края её лона, потом другого. Нинель, вроде бы, чаще задышала, крепче обняла его, сама задвигала задом. И опять её бёдра начинают дёргаться, а он опять почувствовал моментальные прикосновения манжетки. Но только на несколько секунд...

«Вот маята!» — сетует про себя он, а вслух произносит:

— Ты кончила или нет? Скажи, а то я больше не могу так...

— Как?

— А вот так, не чувствуя тебя почти... Неужто тебе это нравится?

— Моментами ничего!... Вот сейчас, например, уже в третий раз...

— Я тоже что-то почувствовал... Но этого мало... Мы так никогда не кончим...

— Такова, видно, моя участь...

— Кто ж тебя так рас... разворотил?... Муж?

— Да нет... Давно это было, былём поросло... А вот поди ж ты... Всю жизнь теперь зубами скрежетать от злости приходится...

— Да, ни себе удовольствия, ни другим... Где ещё найдёшь с такими достоинствами?... Тем более с такой капризной привередливостью... Ой, прости, я, кажется, вышел вон!..

— Всё, что ли?...

— Да нет, вроде бы, не всё, не кончил ещё... Так и есть... Но утомился больно уж... И подарочек твой резиновый на самом кончике повис, и всё ещё не заполнен... Убедись сама...

— Ну вот ещё!

И всё же руку свою, наложенную им на его инструмент, не отдёргивает, только произносит с упреком:

— Все вы, мужики, такие!

— С кем поведёшься, от того и наберёшься... Ты же не хочешь кончать?

— А ты?..

— Хотел бы... Да куда там в такой броне да в такой... Не знаю, как это сказать...

— Да уж говори, не стесняйся... Калибрами не сошлись, как говорят военные. Или, как сказал мне один мой ухажёр, в калошах да по слякоти... Не так ли?

— А вот признайся, у тебя роман с этим ухажёром долго длился? Или ты его после этого и не видела?

— Видела, да романа больше между нами не было...

— Ты не хотела, или он?

— Ни я, ни, думаю, и он.

— И со мной, наверно, больше не захочешь?

— Наверно...

— А понимаешь ли ты, что сама виновата на две трети, если не больше?

— Понимаю, и тебя не виню... Говорила уж, что так, наверно, у меня на роду написано...

— Ты хочешь сказать, где ж найти такого, кто бы не уступал тебе в размерах?

— Да чего ты меня всё пытаешь: что да как? Не привыкла я говорить о таких вещах... В первый раз со мной такое, чтобы с мужиком откровенничать...

— С бабами, конечно, легче... Да какой толк от этого... такие же дремучие и такие же, уверен, невезухи...

— Вот именно, толку никакого... Так что давай прекратим эту бесполезную болтовню...

— Почему бесполезную? В знании — сила! Вот ты, согласилась, например, убедиться в каком состоянии мои причиндалы и придала им, вижу, дополнительную стойкость и, кажется, готовность для во-зобновления прерванного поединка... — Ах, не говори красиво!... Всё будет так, как уже было... Да и ты, поди, устал... Может, лучше отдохнём и поспим?..

Но говоря это, Нинель не выпускает из ладони его пташку и, мало того, лёгкими поглаживаниями и подбрасываниями как бы поощряет его не соглашаться с нею.

— Да, будет так, как было, если мы не придумаем чего-нибудь другого...

— Опять ты за старое! И не думай!

Она убирает руку от предмета, который только что с немалым любопытством исследовала пальцами, поворачивается к нему спиной, подгибает колени к животу и приказным тоном говорит:

— Всё!... Хватит!... Спи и дай мне поспать!

Женя склоняется к её уху и шепчет:

— Не хочешь — спи, но мне не мешай!

И долго мусолит губами мочку её уха, затем шею под ним, левой ладонью слегка массируя её ягодицы, а когда они стали подрагивать, вздумал мизинцем поиграть с её анусом. Но ни пойти этим путём дальше, ни переправиться на другую сторону промежности духу не хватftn. В первом случае он опасался, что, если причинит боль, последует новое нелицеприятное объяснение, которое заставит прервать осаду. А во втором, при одной только мысли, что придётся опять столкнуться с развороченными, вспухшими гениталиями, у него опускались все члены. Поэтому он решает действовать пока иначе: просовывает руку у неё под локтем и начинает пальпировать мякоть груди и сосок, тянется к нему ртом и при этом так надавливает грудью и другой рукой на её плечо, что она опрокидывается на лопатки. Но колени её по-прежнему оказываются согнутыми и плотно сомкнутыми. Намеренно она их оставила в таком положении или нет, его уже не особо интересовало.

— А слабо тебе будет перевернуться ещё раз, но только лицом вниз, и стать на коленки? — не то спрашивает, не то предлагает Женя.

Так ответа не последовало, то он пробует сделать это сам, однако безуспешно, ибо тело её оказывается тяжёлым и неподъёмным. И тогда, собравшись с духом, молниеносно перемещается в ту часть постели, где находились её ступни, встаёт там на корточки, раздвигает её колени, опускает своё лицо между её бёдрами и, зажмурив глаза, начинает лизать всё, что только попадает ему на язык. Нинель захохала, её колени крепко стискивают ему голову, а пальцы вцепляются в затылок и так прижимают к своему лону, что его нос упирается в её лобный холмик и у него спирает дыхание. Чтобы сделать хоть один глоток воздуха, ему приходится прибегнуть к обходному манёвру: погрузить язык между чем-то,

напоминающим малые срамные губы, и двинуть его вверх, пощекотать им гашетку, то бишь похотник, взять его в зубы и слегка ими зажать его... Она взвыла и на секунду отпустила его голову, что позволило ему приподнять её и сделать долгожданный вздох. Облегчившись таким образом, он возобновляет прерванное на секунду занятие. Но уже с некоторым интересом: что последует дальше.

Правда, ничего такого далее не происходит. Ей, судя по всему, эти его действия пришлись по нраву, чего нельзя сказать о нём. Но он продолжает их в надежде на то, что всё же наступит момент, когда она даст знать, что, мол, хватит отвлекаться от главного, что пора-де приступить к решающему штурму...

Так и не дождавшись такого сигнала, Женя останавливается, выпрастывает свою голову из теснины её межбёдерья и произносит:

— Вам хорошо?

— Почему снова на «вы»? — вопросом на вопрос отвечает Нинель.

— Тебе хорошо?

— А что?

— А то, что я малость притомился и боюсь, как бы мой петушок не потерял боевые качества... Как он там? Не взглянешь?

— А сам ты не чувствуешь?

— Если бы чувствовал, то не спрашивал...

— Как же мне это сделать? За тобой не видно...

— А руки на что? Пальчиками! Пальчиками!... Вот так... И что там обнаруживается?

— Ничего!..

— Как ничего? Улетучился?... А где ж презерватив?..

— Да нет, ты неверно меня понял... Я хотела сказать, что...

— Что ничего такого уж печального нет?

— Вот именно... И петушок вроде бы хорохорится, и резинка на нём!..

— Ну и прекрасно!... Может, пора, ему и в бой опять?

И, не дожидаясь ответа, он ещё раз подаётся назад, приподнимается на коленях, обнимает её колени и, тесно прижав их друг к дружке, поднимает как можно выше, придвигается к её тазу и тычет свой дротик туда, где ему и полагается быть. Тот довольно быстро находит верный путь и погружается в пучину её лона. На сей раз эта пучина оказывается не такой уж и безбрежной, так что трение о её внутреннюю поверхность оказывается довольно ощутимым.

— Так лучше? — спрашивает Женя и учащает свои удары.

Чувствуя приближение конца и желая хоть немного отдалить его, он снова начинает считать про себя: и раз, и два, и три... Но не успевает дойти и до десяти, как вновь явно чувствует конвульсивные вздрагивания её ляжек и одновременные, на долю секунды, пожатия её ножен вокруг его дротика. В результате он, помимо своей воли почти тут же выплёскивает всё, что скопилось в нём за два месяца воздержания. Нинель впивается ногтями ему в ягодицы и ещё несколько минут после того, как он становится неподвижным и отпускает её ноги, продолжает удерживать его на себе не позволяя ему покинуть своё лоно.

Минуты через три-четыре она всё же даёт ему возможность подняться.

— Я сейчас, — говорит он, вставая босыми ногами на пол, и на-правляется к двери. — Надо освободиться от того, что больше уже не понадобится.

Подходит к помойному ведру около печки, стаскивает с собственного уда презерватив и

бросает его в это ведро, после чего отпирает дверь и выходит через короткий коридор на крыльцо, чтобы помочиться. В силу известных обстоятельств выдавить из себя струю сразу не получается, а едва она стала изливаться, как за углом послышались чьи-то шаги. Прекратить начатое никак не получалось, и ничего другого не оставалось, как повернуться лицом к стенке, продолжая поливать завалинку дома. «Правда, я голый, — подумал он, — но, может, в предрассветных останусь невидимым». Шаги между тем приближаются. Женя оглядывается и различает сильно шатающуюся из стороны в сторону и что-то бормочущую фигуру, которая, поравнявшись с ним, вдруг падает, еда не сбив его ног. Завершив, наконец, то, ради чего он здесь оказался, Женя наклоняется и видит, что на ступеньках крыльца лежит его сосед.

Особо они не знали, только здоровались, когда приходилось сталкиваться на улице. Чаще всего это бывало вечером, когда Женя, забежав домой после работы, чтобы «расправить пёрышки», бежал в город, а сосед с женой — рослой и довольно миловидной дамой лет уже, наверно, за 30, — шёл навстречу и, улыбаясь, бросал ему: «Ну, что, на блядки торопишься?... Ну, ну! Дело молодое». Сейчас же, когда Жене удалось, если не поднять его на ноги, то перевернуть и усадить на верхнюю ступеньку, он только и смог выдавить из себя:

— Вот видишь, кажется перебрал... Сейчас мне будет буча от бабы... Скажет, на блядках был... Что делать?... Больше не могу идти...

— Помочь, что ль? — интересуется Женя.

— Да, — соглашается сосед, — помоги подняться и добраться до двери...

Женя обхватывает его за торс, с трудом поднимает и тащит по коридору мимо своей двери к следующей, стучит в неё и, когда она открывается, пытается внести внутрь совсем обмякшее и довольно тяжёлое тело соседа. Его жена несколько ошалело переводит взгляд с одного на другого и, покачав головой, произносит:

— Ничего себе картина! Один как сапожник в стельку, а другой в чём мать родила! — Извините! Так уж получилось. Не хотел вас обидеть... Куда мне вашего девать? Где положить?..

— Положить? Эту свинью? Не в постель же? Пусть на полу дрыхнет!..

— Да жалко, вроде, человека...

— Жалко? Так почему бы вам его к себе не отволочь и там не уложить?..

— В другой раз, наверно, можно бы было так сделать, но сейчас...

— Знаю, знаю, вы не один... Вторую ночь гуляете... Но вы-то молодой и холостой, вам сам бог велел... А этот шатун!... Туда же!... Да что вы его держите? Кидайте!...

— Не могу!

— Жалко дерьмо такое?

— Нет, боюсь...

— Чего боитесь?... Взять в толк не могу...

— Опущу его и предстану перед вами в самом неприглядном виде... На мне ничего из одежды нет...

— Я отвернусь...

— Спасибо... Но всё же позвольте мне опустить его на кровать...

— На кровать?... А мне куда прикажите деться?... Мне видеть его противно, а не то что лежать с ним рядом... На стуле он всё равно сидеть не сможет, свалится... Так что кладите его на пол!... Чего медлите?..

Женя опускает безжизненное тело на пол и, когда выпрямляется, замечает, что его

собственное мужское достоинство под её пристальным взглядом не то чтобы восстало из жалкого состояния, но, продолжая свешиваться, всё же заметно налилось и удлинилось...

— Я пойду? — говорит он. — Или чем-то ещё могу помочь?

— Ещё чего не хватало! — возмущённо (но, как ему показалось, несколько нарочито) возражает она и только тут, словно вспомнив своё обещание, отворачивается. — Вам есть кому помочь... Отправ-ляйтесь к себе... Небось заждалась там ваша подружка... А я... Что я?... Надеюсь, управлюсь с этим мешком с говном... А если что, так позову... Идите!

Женя удаляется и, вернувшись к себе в комнату, спешит улечься рядом с вытянувшейся на спине Нинель. Она тут переворачивается на бок лицом к нему, обнимает и целует, после чего задаёт вопрос:

— Что за шум был?

— Да, так, проблема с соседом...

— С соседом, говоришь? А мне слышался женский голос... Возбуждённый какой-то...

— Правильно тебе слышалось, — шепчет он ей на ухо, обнимая и целуя её. — Я вздумал сходить в малый Трианон, а мне навстречу, откуда ни возьмись, сосед, в дымину пьяный и упал на пороге. Пришлось мне его тащить дальше. А дома ему устроила выволочку жена. Её ты и слышала.

— Ничего себе! Ну и слышимость у вас! Как же вы тут живёте?

— Так живём почти два года. Но на слышимость жаловаться не приходилось. Теперь соображаю, что соседи всё это время вели себя тише воды...

— А вы?

— Всякое бывало, и шумели, случалось, до утра...

— А они всё это терпели?

— Выходит, что так... Но хватит о соседях!... Давай собою ещё немного займёмся... Скажи лучше, я тебя не очень разочаровал?

— Было такое в начале... Но потом ничего... Жаловаться нечего...

И, как бы в подтверждение своих слов опять обнимает и целует его.

— А как насчёт того, чтобы ещё разок...

— Ещё разок в другой разок! — весело отвечает она, протягивая руку к его паху и дотрагиваясь до его причиндалов. — Вам, молодой человек, надо отдохнуть. Сами ведь признавались, что вторую ночь без сна. А утром на работу бежать. Да и мне пора возвращаться, не дай бог, благоверный вернётся раньше с дежурства. Так что спи, а я одеваюсь и бегу... Тем более за стеной, слышишь, шум начинается, муженёк, наверно, очухался и скандалит... Точно: в стену кто-то сту-чит, тебя наверно зовут.

— Хорошо, я сейчас наведу тебя туда, а ты одевайся. Но без меня не уходи, я тебя провожу.

Женя вскакивает с кровати, натягивает на себя трусы, майку и брюки и отправляется узнать, в чём там дело. Сосед, уже полураздетый, сидит на кровати и что-то невнятно бормочет, а его супруга, ругаясь, пытается его оттуда стащить. В завязавшейся борьбе халат её распахнулся и вместе со сползшими лямками ночной сорочки обнажил её шикарные плечи.

— Помогите мне его скинуть! — просит она. — Нечего ему тут дрыхнуть!..

— Зачем? — возражает Женя. — Пусть лежит спокойно... Кровать широкая, полутороспальная... Не очень, думаю мешать будет... Разве что храпеть станет...

— Ну уж нет! Я лучше с кем-нибудь другим лягу, но не с этой кучей дерьма!...

— Вот как даже! Хотелось бы мне оказаться этим другим...

— Вы что? За кого меня принимаете? Не видите, в каком я со-стоянии и говорю чёрте что?... Да помогите же мне, наконец, стащить это чудовище!...

— Предлагаю вам другой вариант... Раз нашла коса на камень и вы не хотите быть рядом с ним, оставьте своего муженька здесь, а сами идите спать ко мне, я через пять минут уйду и занесу вам ключ от моей комнаты... Идёт?

— А когда вы вернётесь, что мне делать, не возвращаться же сюда?

— Ещё неизвестно, вернусь ли я... Сколько сейчас времени?

— Четыре часа...

— Вот видите, пока суть да дело, мне, может, надо будет бежать на работу...

— А если вернётесь?

— Вы хотите, чтобы я вернулся?

— Ничего я не хочу, а просто думаю... Неловко как-то замужней женщине оказаться под утро в комнате холостяков... Даже пустой... Что скажут, если увидят меня выходящей оттуда?... Лучше я эту сво-лочь оттащу к вам и закрою там, а вы, когда вернётесь, утром или вечером, зайдёте сюда и возьмёте у меня ключ... Хорошо?

— А вы сама, без моей помощи, сумеете его туда оттащить?

— Не знаю... Если не выйдет, тогда придётся воспользоваться вашим гостеприимством... Но мне этого не хотелось бы... Поэтому как-нибудь постараюсь справиться... Спасибо... Жду, когда принесёте ключ...

Когда Женя возвращается к себе, то застаёт Нинель уже полностью одетой и подкрашивающей губы.

— Идём? — спрашивает она.

— Идём, — отвечает он. — Только рубашку надену. Выключи, пожалуйста, приёмник.

Отойдя пару десятков шагов от дома, Женя останавливается, хлопает себя по лбу и говорит:

— Подожди меня тут минутку, я забыл деньги взять... Вдруг такси поймаем...

— У меня, милоч, есть деньги... И на обратную дорогу тебе дам. Так что не надо возвращаться...

— Нет уж, позволь мне это сделать... Я сейчас...

Он бегом возвращается, набрасывает пиджак, суёт в него кошелек с деньгами, выбегает в коридор, стучится к соседке и вручает ей ключ:

— Возьмите, хотя дверь я оставил открытой... Всего вам доброго!...

— Спасибо! — благодарит она. — Не смею вас больше задерживать... Надеюсь, всё обойдётся...

Женя выскакивает на крыльцо и устремляется к ожидающей его в темноте Нинель.

— Всё в порядке, пойдём!

Им повело: едва они выходят из внутренности квартала на улицу, как видят едущее со стороны аэропорта свободное такси, так что через пять минут они уже были у того самого уличного фонаря, где три часа тому назад началась их встреча.

— Не выходи, — говорит Нинель. — Возвращайся к себе, а я уж как-нибудь одна дойду тут... Где мои ключи?

Нинель начинает рыться в сумочке.

— Чёрт побери, да где же они?

И продолжает уже шёпотом:

— А презервативов-то набрала: один, второй, третий! Словно на свидание с ротой солдат шла!

— Да, а обошлись одним...

— Дарю тебе на память другой... Держи!... А вот и ключ... Всё, пока!

— А когда наступит это «пока»?

— Откуда же мне знать, когда такая возможность у меня появится...

— Как только появится, сможешь увидеть меня в шесть часов вечера выходящим из совнархоза... Подходи туда с детишками, там есть где посидеть с ними на лавочке...

— Договорились... Езжай!..

— Нет! — неожиданно даже для себя говорит он, достаёт деньги, протягивает их шофёру и вылезает вслед за нею из машины.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает она его.

— Надеюсь взглянуть на твоих спящих детишек, — отвечает он, входя вместе с нею в подъезд и поднимаясь по лестнице.

— Напрасно ты отпустил такси, — качает головой она. — В квартиру я тебя всё равно не пущу... Вдруг дети проснутся... Или, ещё того страшнее, муж сидит за дверью и ждёт меня...

И, останавливаясь на площадке второго этажа, прикладывает палец к губам.

— А ты открой её и войди, чтобы посмотреть... Если всё в порядке, вернёшься и вступишь меня...

Нинель только отрицательно машет головой и показывает ему пальцами, мол, беги!

— Вот так просто бежать? — возражает он. — Нет, без залога не уйду!

— Какой тебе ещё залог нужен?

— А вот такой!

Женя обнимает и целует её, лезет за пазуху...

— Ну вот, всё начинается снова! — произносит она в перерывах между поцелуями. — Но ведь продолжения не будет!

— Почему не будет?

— Потому что я не могу пригласить тебя к себе... Говорила же... Боюсь...

Когда же одна из его рук, задрав подол, полезла ей под трусики, Нинель взмолилась:

— Ну перестань!... Зачем зря возбуждаться?..

— Почему зря?

— Не думаешь ли ты совершить это прямо тут, на лестнице?

— Коли приспичит, можно и на лестнице... Но мы придумаем что-нибудь получше... Давай поднимемся на несколько ступенек вверх, к подоконнику... Так... Теперь садись на него и доставай презерватив. А я тем временем достану свой инструмент... Вот он... Обуй его, пожалуйста...

— Опять я!... А ты что же?

— А я буду пока смотреть на улицу, не идёт ли кто... Хорошо, что уже светает и далеко видно...

— Ага, а вдруг поднимет голову и увидит, как мы обнимаемся?

— Ничего он не увидит... Мы его заметим раньше и успеем разбежаться в разные стороны: я — наверх, а ты к себе в квартиру... Лучше быстрее делай своё дело, о котором я тебя попросил...

— Почему это моё дело?..

— Потому что оно касается твоей безопасности, а не моей... Разве не так?... Чего ты опять возникаешь?... Хочешь кататься, люби и саночки возить... Натягивай!... Не теряй времени...

— Натягивай, натягивай! — ворчит она, но принимается за дело. — А ты что, безрукий?

— Твои ручки с этим лучше справятся... А моим предстоит ещё много-много работы:

бюстгальтер, пожалуй, ввиду чрезвычайности ситуации, снимать не будем, а трусы не мешало бы просто опустить до коленок... Ты сама это сделаешь, или позволишь мне?

— Позволю... Но что дальше?... Нас же здесь увидит каждый прохожий, стоит ему только голову вверх поднять...

— Где ты взяла в такой час прохожих?

— Да о муже о своём я тебе втолковываю!... Вдруг он любопытствует, как я там, и решится сбежать домой... И увидит, как его жена сидит на подоконники и с кем-то обжимается...

— Ничего подобного он не увидит... Гарантирую... Ты натянула презерватив?...

Хорошенько?... Так... Становись ногами на пол, поворачивайся ко мне спиной, обопрись руками о подоконник и следи за дорогой... Остальное предоставь мне... Вот так, молодчина!...

Прижавшись к её обнажённому задку, Женя гладит ей живот, лобок, запускает пальцы дальше, с нажимом трёт опять пугающе распухшие срамные губы и клитор... Затем прикладывает к этим предметам кончик своего отростка и тычет им то туда, то сюда.

— Я готов войти к вам, мадам... Но прежде позвольте спросить, в какую дверцу вы предпочитаете, чтобы я постучался?... Сюда или чуть повыше?..

И он нажимает большим пальцем на её анус.

— Ты что? Разве можно?

— Можно всё... Давай попробуем?..

— Нет уж, избавь меня от таких проб...

— Ладно, оставим это на другой раз, а сейчас пойдём привычной дорогой. Сожми, пожалуйста, коленки и принимай гостя... Вот так... Чувствуешь?..

— Ещё как!..

Нинель энергично начинает двигать своим тазом ему навстречу, а Женя, на сей раз остро ощутив не только горячую влажность, но и некоторую тесноту её влагалища, уже чувствует прилив животворной эссенции в свои причиндалы... Ещё несколько энергичных толчков, и эта эссенция словно из спринцовки начинает выпрыскиваться, а сам он, сотрясаемый судорогами, замирает, безжизненно повиснув над нею.

— Доволен? — интересуется она, распластавшись под его тяжестью на подоконнике и положив одну из щёк на скрещенные локти, но продолжая встречные движения тазом.

— А ты? — в свою очередь спрашивает он и целует её в шею под затылком. — Почему глаза закрыла и не следишь за обстановкой?

— Размечталась.

— О чём, если не секрет?

— Может всё же рискнуть и впустить тебя к себе на часок-другой?

— Прекрасная мысль, да вот только запоздалая... Видишь в какое состояние ты меня привела?

— Не вижу, но чувствую... Может ты знаешь, что делать? Я постараюсь...

— Да ты и так, вижу, стараешься... И всё же мой боец норовит сбежать с поля сражения... Чтобы придать ему новые силы, потребуется немало времени. Ты готова предоставить мне душ и дать соснуть часик-другой, чтобы мы могли бы использовать его снова по прямому назначению?

— Это было бы прекрасно... Но мысль о возможном возвращении мужа не даёт мне покоя... Да вон, кажется, и он идёт, лёгок на помине... Быстрее вверх! И сиди там тихо!... А я бегу домой...

Женя в спешке покидает её, застёгивается и устремляется по ступенькам вверх. Слышит, как хлопает дверь, а вслед за этим чьи-то шаги — не женские, тяжёлые, мужские... Дверь снова хлопает... Подождав минуту-другую, Женя крадучись спускается вниз, выходит на улицу и поворачивает по направлению к своему дому. Ему снова везёт: едва он начинает переходить Сталинскую, как видит зелёный огонёк. Такси!

— На Амурскую! — велит он, протискиваясь на заднее сиденье. — До Пограничной!
И, закрывая глаза, тут же впадает в дрему, вновь возвращаясь на пустынный берег Татарского пролива в Красногорске.